
За их спинами Чжао Чжэньюй, чью судьбу только что охарактеризовали как беспросветную, безнадежно смотрел вслед уходящей паре. Мысли о собственной плачевной участи и туманном будущем отозвались бурным всплеском духовной крови в жилах. В глазах потемнело, и он снова лишился чувств.

Едва убедившись, что поблизости никого нет, Линь Чжэнчжэнь мгновенно осушил слезы.

В его ещё влажных глазах мелькнуло нескрываемое отвращение, и он досадливо цыкнул. Столько сил и времени ушло на то, чтобы втереться в доверие к Чжао Чжэньюй, а тот, хоть и считался Вторым младшим братом-наставником, оказался совершенно бесполезным — даже девчонка Ци Жунжун выявилась куда хватче!

Никчёмный никчёмш, да и только!

Не принеси Чжао Чжэньюй из своей вылазки несколько редких духовных растений, которые уже отправили с Ци Жунжун, чтобы обменять на солидную горсть духовных камней, Линь Чжэнчжэнь и взглядом бы его больше не удостоил.

Возвращение Ци Жунжун вдохнуло жизнь в притихшую гору Сяоцан.

Девушка всегда чувствовала глубокую признательность к преподобному Цинъяну, принявшему её в ученицы. Посвящённая в бедственное положение обители, она первым делом из собственного кошелька выплатила жалование слугам и закупила духовного зерна с плодами для трапезной, сбив накал финансового кризиса.

Однако восемьдесят му выжженных дотла духовных полей на заднем склоне поставили её в тупик. Обладая двойным духовным корнем Металла и Воды, она отродясь не умела возделывать землю. Заручившись поддержкой Дин Лю и прочих слуг, девушка отправилась за советом к Гу Яню.

Слуги держались подчеркнуто почтительно и рассыпались в заискивающих речах, но Гу Янь уже твердо решил покинуть гору, а потому не собирался тратить силы понапрасну. Он отмахнулся от них предложением:

— Во время недавней медитации у меня возникли трудности с циркуляцией духовной энергии, так что пока я не могу свободно задействовать силы.

Ци Жунжун, привыкшая верить каждому его слову, тревожно расспросила о самочувствии и решила нанять мастера-духовода для восстановления полей. Дело это требовало немалых трат,

так что ей надлежало сначала посоветоваться с преподобным Цинъяном.

Гу Янь не стал спорить, предоставив ей полную свободу действий.

Спустя три дня преподобный Цинъян созвал учеников и объявил о поездке в город Юйчэн, в поместье клана Нин.

Гу Янь, которого связывали с Нин Шуанфэном давние и глубокие отношения, разумеется, ехал.

Линь Чжэнчжэнь еще не ступил на стезю Концентрации Цзи и был совершенно беспомощен. Наставник не решился оставить младшего на горе одного и постановил взять его с собой — посмотреть мир.

Что до Чжао Чжэньюя...

Изначально брать его не планировалось. Однако тело парня терзал неведомый яд, против которого наставник оказался бессилён. У клана Нин имелись собственные лекари и алхимики, так что поездку решили использовать как шанс показать больного специалистам. Пусть Цинъян и не испытывал особой привязанности ко второму ученику, бросать его на произвол судьбы он все же не стал.

Следующим утром они отправились в путь.

Изначально преподобный Цинъян намеревался лететь в Юйчэн на мече. Однако, взглянув на троих подопечных, осознал всю нелепость этой затеи. Гу Янь ссылаясь на сбой в культивации (разумеется, притворный), Чжао Чжэньюй из-за яда не мог направить духовную энергию по каналам, а младший, Линь Чжэнчжэнь, и вовсе ещё не прошёл стадию Постижения Цзи.

Тащить троих на одном мече? Сплошной перегруз, да и выглядело бы это крайне комично. Встреть они в небе кого-то из знакомых заклинателей — позору не обобратиться, станут посмешищем для всех окрестных сект.

Рассудив, что до прорыва Нин Шуанфэна на стадию Золотого Ядра оставалось еще как минимум полмесяца, наставник решил не спешить. Куда разумнее было доехать в экипаже до префектуры Цинчжоу, а там, на пристани, пересесть на речной корабль. Путь по воде на юг займёт три-четыре дня, так что времени хватит с избытком.

Гора Сяоцан встречала утро в осенних красках. Воздух был прозрачен и чист, затянутое лёгкой

дымкой небо манило синевой. Придорожные травы и кроны деревьев тронула едва заметная желтизна, и ветви грациозно покачивались на прохладном ветру.

Гу Янь закинул за спину длинный меч из чёрного железа и вышел во двор.

Чжао Чжэньюй ждал его под цветущим османтусом у самых ворот. Густой, пьяняще-сладкий аромат сентябрьской корицы окутывал всё вокруг, но оказался не в силах разогнать серую, болезненную тень, легшую на лицо юноши. От его прежней горделивой осанки не осталось и следа.

— Старший брат... — заискивающе улыбнулся Чжао Чжэньюй.

На мгновение Гу Яню показалось, будто время повернулось вспять на тридцать лет. Перед ним вновь стоял тот самый испуганный мальчик, только что привезённый на гору Сяоцан, который цеплялся за край его полы и искал защиты в глазах старшего.

Гу Янь на миг замешкался, а затем поджал губы.

Нет. Все не так.

Чжао Чжэньюй был тем мальчиком, но одновременно перестал им быть.

Шестилетний сирота вызывал сочувствие, заставлял видеть в нем младшего брата и окружать заботой. Взрослый же Чжао Чжэньюй побуждал лишь к горьким воспоминаниям, не оставляя в душе ни капли жалости.

Скупно кивнув, Гу Янь двинулся мимо.

— Старший брат! — вскрикнул Чжао Чжэньюй, потеряв обладание.

Ещё в тот день, вернувшись из горной гряды Заходящего Солнца, он пытался найти Гу Яня, едва сумев встать с кровати. Но тот избегал встреч. Уже тогда дурные предчувствия закрались в душу, пусть юноша и упрямо отказывался в них верить.

Теперь же, когда Старший брат стоял перед ним — чужой, холодный, не желающий уронить и пары слов, — мрачная догадка обратилась неопровержимой явью.

Чжао Чжэньюй будто обдало ледяной водой в лютый мороз. Зубы выбивали дробь, а из груди вырвался отчаянный возглас:

— Ты действительно решил бросить меня на произвол судьбы?!

Неведомый яд сжигал его каналы, а способа исцеления он не ведал. Если... если Гу Янь и впрямь умоет руки, он навсегда останется калекой!

Эта мысль внушала дикий, животный страх. Чжао Чжэньюй прекрасно понимал: Гу Янь — его единственный спасительный круг. Он вырос на руках у Старшего брата, и тот всегда был куда надежнее и ближе, чем вечно витающий в облаках наставник.

Вот только спасительный круг более не желал даваться в руки.

Гу Янь ничего не ответил на его стенания. Он лишь пристально, без единой эмоции оглядел младшего и спокойно спросил:

— А где же Линь Чжэнчжэнь?

«Где же твой нежный, заботливый и чуткий младший братишка?»

Гу Янь не планировал язвить, но обида все же взяла верх. Как удобно: едва прижмёт — бежишь к Старшему брату, а чуть отпустит — шушукаешься за спиной с Линь Чжэнчжэнем, ругая Старшего за суровость и придирки!

Не слишком ли много ты хочешь от этой жизни? Уж не внебрачный ли ты сынок самого Небесного Дао?!

Чжао Чжэньюй то ли не уловил яда в его словах, то ли сделал вид, что не заметил, обрадовавшись уже тому, что Гу Янь вообще заговорил:

— Чжэнчжэнь... он ведь ничего в этом не смыслит...

И это было еще мягко сказано: Линь Чжэнчжэнь не мог отличить простейший духовный сорняк от целебной травы, а о ядах не имел ни малейшего представления. Всё, на что его хватало — целыми днями крутиться рядом и с елеем в голосе сочувствовать, спрашивая, сильно ли болит.

Но теперь, когда Чжао Чжэньюя мучила адская боль, эти прежде столь милые и согревающие душу слова вызывали лишь глухое раздражение. Во время приступов ему не хотелось видеть Линь Чжэнчжэня.

Ему нужен был Гу Янь. Только Гу Янь мог найти разгадку и спасти его.

Гу Янь усмехнулся:

— Раз я разбираюсь, значит, обязан впрягаться за тебя?

Или он от рождения всё знал?

Когда наставник привёл его шестилетним мальчишкой на гору Сяоцан, Гу Янь был простым деревенским сиротой. Что он мог знать? Наставник поучил его три года и ушел в закрытую медитацию. Гу Янь едва разбирал иероглифы, по старым обрывкам трактатов сам постигал основы культивации. На одно лишь постижение Цзи ушло с полгода!

А потом, добывая духовные растения в горной гряде Заходящего Солнца, он каждый раз рисковал жизнью. Входил туда со страхом, а выползал израненный, истекая кровью. Уж не думает ли Чжао Чжэньюй, что целебные травы и ядра монстров сами падали Гу Яню в руки?!

Каждая медяшка, каждый духовный камень были куплены кровью и потом! Именно потому, что он сам прошел через этот ад, Гу Янь и пытался уберечь Чжао Чжэньюя, окружить его теплом.

И каков итог? И Чжао Чжэньюй, и наставник сокрушались над «бедным, немощным Линь Чжэнчжэнем», которому не далась культивация!

А его собственные силы, опыт и Безупречное золотое ядро — они что, сами собой выросли в дантяне?!

Смех, да и только!

Чжао Чжэньюй замер, ошеломленный отповедью.

Не желая тратить время на пустые разговоры, Гу Янь решительно направился вниз по тропе.

Чжао Чжэньюй попытался окликнуть его, но из окна экипажа выглянул Линь Чжэнчжэнь:

— Второй старший брат, скорей! Мы отправляемся!

Силуэт Гу Яня в серебристо-белых одеждах уже растворялся вдаль. Чжао Чжэньюю ничего не оставалось, кроме как подняться в повозку.

Линь Чжэнчжэнь с наигранным удивлением спросил у сидевшего напротив преподобного Цинъяна:

— Учитель, а разве Старший брат не поедет с нами?

Преподобный Цинъян глянул вслед уходящему старшему ученику, и на сердце у него потяжелело. Он никогда не умел проявлять заботу. Раньше Гу Янь сам тянулся к нему, и они

были близки, а теперь, когда тот отдалился, наставник даже не знал, с чего начать разговор.

— У вашего Старшего брата есть дела в городке Заходящего Солнца, — с тяжелым вздохом ответил Цинъян. — Едем без него.

Линь Чжэнчжэнь сладко улыбнулся:

— Хорошо!

Поглаживая Нефрит Просветления Сердца на поясе и покачивая кольцо из светло-зеленого нефрита на пальце, он прятал за этой улыбкой мрачные расчеты.

Чжао Чжэньюй — никчёмная обуза. Учитель Цинъян хоть и силен, но с головой ушел в самосовершенствование и совсем не думает о младшем ученике. Когда слуги из трапезной издевались над Линь Чжэнчжэнем, полмесяца кормя его одной жидкой кашей да соленьями, так что он исхудал и ослаб, наставник даже не заметил его страданий!

Ни на того, ни на другого положиться нельзя.

Он выведал у учителя, что цель их путешествия — поместье клана Нин в Юйчэне. Это великий и влиятельный аристократический род Союза Бессмертных, стократ могущественнее его собственного клана Линь.

Если ему удастся стать спутником дао Молодого главы клана Нин, готового сформировать Золотое ядро... Когда он вернется в родные земли, взглянет он на тех, кто презирал его рождение! Посмотрим, осмелятся ли они и дальше срывать на нем злобу. Закрепившись в доме Нин, он сможет плюнуть и на Гу Яня, и на Чжао Чжэньюя, а унижения с пайком из сухой каши канут в прошлое.

Линь Чжэнчжэнь закусил губу, приняв бесповоротное решение.

С такими мыслями у каждого из троих путников скрипучие колеса экипажа вывезли их за ворота горы Сяоцан.

Выехав на рассвете, к закату они добрались до префектуры Цинчжоу.

Городской центр Цинчжоу поражал размахом, ни в какое сравнение не идя со скромным городком Заходящего Солнца. Высились мощные крепостные стены, монументальные усадьбы и величественные терема. Широкие, застланные серым камнем улицы тонули в потоке людей. По обе стороны возвышались трех- и четырехэтажные лавки да постоянные дворы, у подножия которых пестрели торговые палатки. Гул зазывал и шум купеческих сделок стояли коромыслом.

Перед отбытием преподобный Цинъян загодя обменял редкий, но не нужный ему духовный артефакт на кошель духовных камней. Без них в дальней дороге не обойтись.

Заметив, с каким детским восторгом ученики выглядывают из окон, наставник мягко улыбнулся:

— Пристань Цинчжоу — место крайне оживлённое. Как только возьмём билеты на корабль до Юйчэна, можете прогуляться, посмотреть на местную жизнь и набраться впечатлений.

Оба младших просияли.

На пристани Цинчжоу и впрямь кипела жизнь. У причалов покачивались исполинские суда, возвышавшиеся над берегом подобно многоэтажным дворцам. Погрузчики в засаленных, пропитанных потом грубых рубахах снували между палубами и складами, таская тяжелые тюки и ящики.

Шёлк, парча, драгоценный нефрит, ароматный чай, волшебные артефакты и редкие духовные растения — от разнообразия товаров рябило в глазах.

Линь Чжэнчжэнь окинул взглядом горы купеческих ценностей, прищурился и, потянув учителя за рукав, капризно проговорил:

— Учитель, наносить визит клану Нин с пустыми руками неловко. Я бы хотел подобрать подарок для Молодого господина Нина. Не знаете ли вы, чем он увлекается и что предпочитает?

Преподобный Цинъян качнул головой:

— Об этом лучше спросить твоего Старшего брата.

Увидев недоумение на лице младшего, наставник с улыбкой пояснил:

— Шуанфэна и Янь-эра связывает давняя дружба, скреплённая совместными испытаниями. Они давно дали друг другу клятву Союза Бабочек-Уток. Стоит Шуанфэну сформировать Золотое ядро, как состоится торжественная церемония духовного союза. Так что о вкусах Молодого главы Нин твой Старший брат знает лучше кого бы то ни было.

В глазах Линь Чжэнчжэня потемнело.

— Вот как?.. — еле слышно пробормотал он.

Опять Гу Янь!

Почему всё самое лучшее достаётся ему?! С какого перепугу Молодой глава клана Нин выбирает себе в спутники жизни именно Гу Яня?!

Зависть закипела в груди Линь Чжэнчжэня, он сжал пальцы так, что побелели костяшки, но внешне остался кроток.

Когда Гу Янь догнал их и присел за столик в прибрежной таверне, Линь Чжэнчжэнь с наигранным дружелюбием подался вперёд и с лучезарной улыбкой поинтересовался:

— Старший брат, как думаешь, какой подарок мне стоит приготовить для Молодого господина Нина?

Гу Янь окинул его прохладным взглядом и ровно ответил:

— Бессмертный лотос девятого ранга. Обязательно с семенами.

Улыбка на лице Линь Чжэнчжэня мгновенно окаменела.

Бессмертный лотос девятого ранга! Легендарный духовный артефакт полубессмертного уровня! Ходили слухи, что его семена способны воскрешать из мертвых, сращивать кости, полностью перекраивать духовные каналы и возносить обычного смертного на небеса.

Будь у него хоть кусочек стебля такого лотоса, проклятый утробный яд растворился бы без следа! Но мало того, что сам этот лотос считался лишь красивой легендой, которую никто вживую не видывал, так даже явись он в мир — за него бились бы патриархи величайших сект. Линь Чжэнчжэню о подобном сокровище нечего было и мечтать!

Он разъярённо уставился на Гу Яня, убеждённый, что тот намеренно глумится над ним.

И будто этого было мало, преподобный Цинъян со смешком поддакнул:

— А ведь верно сказано! Бессмертный лотос девятого ранга — неоценимое сокровище для укрепления духовных каналов и очищения природы. От такого подарка ни один заклинатель не откажется.

Линь Чжэнчжэнь едва не разрыдался от досады.

Да кто бы сомневался?! Конечно, никто не откажется от полубессмертного растения! Да только где он его возьмет?! Неужели учитель не видит, что Гу Янь откровенно насмехается?! И

вместо того чтобы заступиться, сам подпевает этому истукану!

Он бросил взгляд на наставника.

С тех пор как пришел Гу Янь, Цинъян смотрел только на него, и взгляд его светился нежностью, которой Линь Чжэнчжэнь отродясь на себе не чувствовал. Зависть и обида въелись в душу, словно полчища ядовитых муравьев.

Сдерживая слезы, Линь Чжэнчжэнь выдавил из себя жалкое подобие улыбки:

— Если Старший брат не хочет говорить, что любит Молодой господин Нин, так и скажи. Зачем же так откровенно надо мной насмеяться?

Гу Янь не дрогнул и мускулом. Спокойно взяв чайник, он налил себе пиалу и небрежно бросил:

— Коли ты так решил, я бессилён тебя переубедить.

Линь Чжэнчжэнь застыл от такой наглости.

Не в силах более сдерживать чувства, юноша залился слезами и выбежал из таверны.

Преподобный Цинъян не ожидал такой вспышки. Растерянно окликнув: «Чжэнчжэнь...», он порывался было броситься вслед, но, мельком глянув на Гу Яня, безмятежно попивавшего чай, лишь вздохнул. Достав кошель с духовными камнями, он передал его Чжао Чжэнью:

— Ночной рынок у пристани весьма славится. Проследи за Чжэнчжэнем, прогуляйтесь по лавкам. Главное — вернитесь до часа Свиньи, чтобы успеть на корабль.

Чжао Чжэньюй без особого энтузиазма принял деньги, но возражать не стал и поплёлся вслед за младшим.

<http://bllate.org/book/19602/1934223>